

Сяо Лун на этот раз окончательно убедился в этом, после чего бросил косой взгляд на остолбеневшую Шу Ли. Уголки его губ изогнулись в какой-то двусмысленной улыбке:

— Действительно позволить мне отпустить её? Только смотри, когда я её отпущу, завтра же не вздумай приходить ко мне с мольбами о помощи. Хотя мы и родственники, но у младшего дяди дел не впрокорот, и завтра он, пожалуй, собирается покинуть Город Силин, а вернется ли через три месяца или через год — еще бабушка надвое сказала.

Если бы эти слова услышал обычный человек, он бы наверняка не придавал им никакого значения. Но Сяо Хань принадлежал к числу людей крайне чувствительных, к тому же своего младшего дядю он знал как облупленного! И хотя этот младший дядя обычно вел себя развязно и не внушал особого доверия, Сяо Хань отлично понимал: его слова никогда не бывают пустой шуткой или бессмысленной болтовней!

Сяо Хань пристально посмотрел на него и заметил, что боковой взгляд Сяо Луна упал куда-то в сторону. Он тоже проследил за его взглядом, и его зрачки внезапно сузились.

Шу Ли!

Она снова что-то сделала с рукой Чу Цин, эту руку нужно искалечить!

Лицо Сяо Ханя мгновенно похолодело, темные зрачки погрузились во мрачную глубину, в них отчетливо промелькнула вспышка гнева.

Значит, его слова больше ничего не значат, да? Шу Ли посмела снова поднять руку на Чу Цин?! Раз так, ему больше незачем церемониться с дядюшками и прочими старшими родственниками.

Оставив происхождение Шу Ли далеко позади, фигура Сяо Ханя внезапно исчезла прямо на глазах у всех. В следующее мгновение он уже стоял перед Шу Ли, и его бледная рука мертвой хваткой вцепилась ей в запястье, а выражение лица было пугающе суровым.

— Сяо Хань, ты...

— Что ты сделала с Чу Цин?

Шу Ли не успела договорить, как Сяо Хань оборвал ее холодными, пропитанными гневом словами. Напуганная столь ледяным и опасным выражением лица Сяо Ханя, Шу Ли с виноватым видом отвела взгляд, опустила ресницы и попыталась придать своему лицу спокойное выражение. Прикусив нижнюю губу с напускной обидой, она робко произнесла:

— Я ничего ей не делала. Я просто поздоровалась с ней. К тому же, мне просто противно смотреть, как она тайком от тебя обещает сбежать с другими парнями поужинать, да еще и хихикает при этом!

Шу Ли искренне полагала, что эти слова разозлят Сяо Ханя, заставят его побежать с расспросами к Чу Цин и в конце концов забросить её, а она тем временем сможет тихонько ускользнуть. Но с чего бы Сяо Хане верить ее бредням? К тому же, с кем именно обедать — это личный выбор Чу Цин, какое ему вообще дело?

— Вот как? Смеешь ли ты поклясться всем, что действительно ничего ей не сделала? Если завтра с ней все будет в порядке, мы тебе поверим! — Сяо Лун снова взял со стола подрумяненную, источающую аппетитный аромат лепешку и небрежным, ленивым тоном бросил эту фразу.

Чу Цин была ошеломлена тем, что они оба говорили, и нахмурилась: что такого сделала Шу Ли? Почему она сама не чувствует ничего странного? Неужели они оба что-то не так поняли?

Но приглядевшись к виноватому выражению лица Шу Ли после слов Сяо Луна, Чу Цин тоже почувствовала смутные подозрения: неужели и впрямь что-то было?

— Она, видишь ли, отравила тебя. Очень страшным ядом, — на лице Сяо Луна играла улыбка. Он откусил кусок лепешки, перевел взгляд на то побледневшее, то позеленевшее лицо Шу Ли и презрительно произнес: — Что такое? Боишься признаться?.. А ведь весь процесс отравления был прекрасно мне виден!

Эта девица возомнила о себе невесть что. Неужели она думала, что раз отравила ее, то Сяо Хань ни за что на нее не подумает? Какая же глупая! Кем вообще был Сяо Хань? Разве мог он так легко поддаться на ее обман?

При этой мысли Сяо Лун не удержался от насмешливого фырканья.

Шу Ли открыла рот, но не находила слов, которые могли бы заставить остальных поверить ей. Внезапно она издала крик боли.

Как же больно!

Сяо Хань сжал ее руку еще сильнее, в его глазах промелькнул холодной гной, а уголки губ изогнулись в зловещей усмешке:

— Ты всё ещё не веришь, что я могу искалечить эту твою руку?.. Что за яд ты подсыпала Чу Цин?

— Я не травила ее!

— Яд, который обезображивает лицо!

Обе фразы прозвучали одновременно, заставив зрителей невольно затаить дыхание.

Яд, обезображивающий лицо?

Все снова перевели взгляд на чистое, прекрасное лицо Чу Цин, и при мысли о том, что это лицо может быть полностью испорчено, каждый невольно подумал: какая же она злобная и жестокая!

Но неужели это действительно дело рук Шу Ли, которая обычно вела себя так мягко и дружелюбно со всеми?

Окружающие по-прежнему оставались в полумраке сомнений.

— Обезображивающий? — Уголки губ Сяо Ханя мгновенно застыли. Спустя пару секунд он стал похож на разъяренного льва. Раздался громкий хруст, и Шу Ли взвизгнула от боли: — Моя рука, моя рука!

Сяо Хань презрительно фыркнул и, словно безжалостный демон, чеканным шагом произнес:

— Совсем с катушек съехала, Шу Ли...

Закончив говорить, Сяо Хань с силой отбросил ее в сторону. Шу Ли отлетела назад и врезалась в обеденный стол — к счастью, это был фешенебельный ресторан, где мебель изготавливали из первоклассных материалов, так что разбить её было непросто. Тем не менее, от такого удара скатерть сдвинулась, и стоявшая на столе еда рухнула на пол. Звон разбивающейся посуды заставил всех присутствующих широко раскрыть глаза.

Неужели всё пойдет так далеко? Разве Сяо Хань обычно не держался в тени? С чего бы ему сегодня пускаться в ход кулаки? Да еще и против Шу Ли.

Привалившись к обеденному столу, Шу Ли медленно сползла на пол. Слезы градом катились из ее глаз, а на лице проступила жуткая ненависть. Внезапно она рассмеялась — безумным смехом, переходящим в рыдания.

Глядя на эту безумную бабу, которая одновременно плакала и смеялась, кто бы мог признать в ней ту самую нежную и очаровательную первую красавицу двора, какой её привыкли видеть окружающие?

Люди только и думали о том, что сегодня им довелось воочию увидеть истинно жуткую сторону Шу Ли.

Сяо Хань даже не взглянул на нее, развернулся и большими шагами направился к Сяо Луну и Чу Цин.

Чу Цин все еще сидела в объятиях Сяо Луна, чувствуя, как его тяжелая рука давит на плечо,

отчего оно даже слегка онемело.

— Спаси её! — бросил Сяо Хань, окинув взглядом ошеломленное лицо Чу Цин, и отдал приказ Сяо Луну.

Сяо Лун слегка прищурил свои узкие глаза, вытер руки, легко взмахнул красным рукавом и задрал гладкий подбородок, приняв насквозь самодовольный и надменный вид.

Спустя добрых несколько минут Сяо Лун наконец соизволил заговорить:

— Спасу-то спасу, а что ты мне за это предложишь?

— Называй любые условия, я на все согласен! — выпалил Сяо Хань.

— По рукам! — очаровательно улыбнулся Сяо Лун, после чего прижал Чу Цин ближе к себе и произнес: — Пошли домой, раны лечить. Впрочем, твоё личко, м-да, судя по всему, уже не спасти. Какая жалость.

С этими словами Сяо Лун в мгновение ока растворился прямо на глазах у изумленной толпы.

Некоторые культиваторы с более высоким уровнем Духовной силы успели заметить лишь мелькнувшую красную тень, устремившуюся к окну, но стоило им моргнуть снова — и все выглядело так, будто им просто померещилось.

Сяо Хань прищурился, его взгляд потемнел. Перед тем как уйти, он не забыл обернуться и бросить взгляд на плачущую Шу Ли:

— Еще хоть раз — и я больше не буду сдерживаться.

— Не будешь сдерживаться? Сяо Хань, я и подумать не могла, что в тебе таится такая жестокая душонка!.. Впрочем, даже если я больше не посмею тронуть ее, ее лицу всё равно уже ничем не помочь! Ха-ха, мой яд — это нечто бесподобное! Ещё в тот момент, когда я подсыпала его, отравы мгновенно растеклась по ее лицу, а к ночи эффект проявится во всей красе!.. Сяо Хань, я так жду момента, когда ты брезгливо отвернешься от нее и вышвырнешь вон из Южного Двора!

Шу Ли то рыдала, то хохотала, ее голос охрип. От этих выкриков мороз подирал по коже — до того пропитанными ядом они казались. А ее слова заставили всех присутствующих невольно содрогнуться.

Никто и помыслить не мог, что у Шу Ли такая гнилая и злобная душонка! Какая же она безжалостная змея! Как говорится, внешность обманчива: днем она казалась такой мягкой и понимающей, а теперь? Да это же настоящая змея подколодная в обличье красавицы!

Теперь многие юноши и молодые люди смотрели на Шу Ли уже не с прежним восторгом и благоговением, а с откровенным отвращением и досадой. Как же сильно они раскаивались! Надо же было иметь такие никуда не годные глаза! С какой стати они вообще так помешались на этой девчонке? И подумать только, что она окажется такой тварью! Тьфу! Какая же слепота одолела их!

— Жаль только, что тебе этого увидеть не суждено, — холодно бросил Сяо Хань.

Он верил в возможности своего младшего дяди: исцелить Чу Цин для того не составит труда. Впрочем, даже если вылечить ее не удастся, он всё равно будет заботиться о Чу Цин до конца своих дней! В конце концов, вся эта история началась из-за него, так что бросать ее он, разумеется, не собирался.

Но если бы Сяо Хань заранее знал, какое условие Сяо Лун выставит ему позже, он бы, пожалуй, ни за что на свете не стал просить у него это прекрасное противоядие.

— А я не верю! — с презрением бросила Шу Ли.

Сяо Хань не стал больше тратить на нее слова, сделал широкий шаг и уже собирался уходить, как вдруг кто-то окликнул его.

Лин Тяо подняла со стола книгу «Королева Эмблемы Императора», подошла к Сяо Ханю и робко произнесла:

— Это вещица Чу Цин.

Сяо Хань обернулся, взял книгу, бросил мимолетный взгляд на до сих пор не пришедших в себя Шуан Фэна и Чжоу Мина и сказал Лин Тяо:

— Передай Лу Лоши, чтобы она немедленно шла сюда. Она поймет, в чем дело.

Сказав это, Сяо Хань больше не задерживался ни на секунду и тут же ушел.

Толпа так и осталась стоять в оцепенении. Люди бросали на Шу Ли презрительные взгляды, качали головами и перешептывались между собой, обсуждая ее злодеяния.

Шуан Фэн проводил взглядом фигуру человека, растаявшую у окна, и растерянно пробормотал:

— Оказывается, Чу Цин — человек Сяо Ханя.

\*\*\*

Когда Сяо Хань вернулся домой, Сяо Лун уже вовсю занимался исцелением Чу Цин. Оба они

были окутаны крошечными ярко-красными искрами света, а выражение лица Сяо Луна было предельно серьезным и напряженным.

Этот яд выводился с большим трудом: малейшая оплошность — и если яд не удастся полностью изгнать, обезображенное лицо покажется цветочками, того и гляди, жизни лишишься.

Сяо Хань не смел им мешать, молча опустился на диван и в упор уставился на двоих практикующих.

Ближе к девяти вечера в дверь постучали.

Сяо Хань нахмурился, бросил взгляд на по-прежнему погруженного в процесс Сяо Луна, быстрыми шагами пересек прихожую и отпер замок. Перед его глазами предстало обеспокоенное лицо Лу Лоши:

— Ну как вы тут? С Чу Цин все в порядке?

Издавека ли дошло до Лу Лоши, но новость потрясла ее до глубины души. Она и представить себе не могла, что при всех ее стараниях защитить Чу Цин, и при том, что за спиной той стоял сам Сяо Хань, Шу Ли все же решится на такой шаг! И ладно бы просто напала — она прибегла к яду! Как у молодой девушки может быть настолько черная душа?

— Пока неизвестно, — Сяо Хань бросил взгляд на обливающегося потом Чу Цин, и в глубине его глаз промелькнула тень тревоги. Это то, что я принесла из дома. Если через минуту не станет лучше, как только Сяо Лун закончит, немедленно дай ей это принять! Так точно всё будет в порядке. — Лу Лоши, чей вид тоже был не лучшим, достала маленький фарфоровый пузырёк.

Сяо Хань ничего не ответил, лишь молча взял его, почувствовав, как с плеч упал тяжкий груз. Он как раз ломал голову, как бы попросить эту вещь у Лу Лоши. Лекарство было невероятно эффективным: если яд не обладал мгновенным смертельным действием, оно практически всегда помогало. Однако само снадобье было редчайшим, и в семье Лу Лоши их оставалось всего три штуки. Когда-то её отец приобрёл их за огромные деньги, но теперь оставалось только две, а поскольку одну уже отдали Чу Цин, у них в запасе была лишь одна-единственная таблетка. Это была диковинка, которую не купишь за одни лишь деньги: даже имея десятки миллионов, найти такую было труднее, чем достать луну с неба.

До сих пор никто не знал, кто создал этот состав, из каких материалов, и какова его формула — он был неповторим. Поэтому Сяо Хань был глубоко поражён тем, что Лу Лоши согласилась отдать таблетку Чу Цин, и в душе шевельнулось чувство признательности.

Прошло ещё три часа, пробило двенадцать. Сяо Лун внезапно открыл глаза, в которых, казалось, плясали искры пламени.

— Сяо Лун, как она? — поспешно спросила Лу Лоши.

Сяо Лун нахмурился: — Яд и впрямь силён. Я вычистил основную часть токсинов, но остался осадок, который никак не выходит! Если так оставить, яд снова начнёт распространяться.

— Ничего, дай ей эту антидотную пилюлю! — Лу Лоши забрала пузырёк из рук Сяо Ханя, открыла его и бросила Сяо Луну.

Сяо Лун легко поймал флакон, достал таблетку, понюхал её, и в его глазах промелькнуло удивление: — Неужели это антидотная пилюля? Я-то думал, сегодня останусь в минусе, не ожидал, что ты так легко с ней расстанешься.

Сказав это, он приподнял Чу Цин и помог ей проглотить лекарство. Спустя примерно пятнадцать минут, вероятно, когда препарат начал действовать, Чу Цин медленно открыла глаза, чувствуя себя совершенно измождённой. Она попыталась пошевелить рукой, но та была словно ватная. Что случилось?

— Чувствуешь сильную слабость, верно? Когда я лечил тебя, то понял, что ты тоже Духовный Мастер стихии огня, поэтому мне пришлось использовать часть твоей Духовной силы, вот ты и истощена. Но не говори, что я был скуп: если бы не твоя сила, ты бы не пришла в себя так быстро. — Сяо Лун сделал паузу и добавил: — И всё же, ты должна поблагодарить Лу Лоши. Она отдала тебе ту самую драгоценную пилюлю, боюсь, дома её ждёт нагоняй.

Чу Цин сонно приподняла веки. Хотя она не знала, что это за пилюля, по словам Сяо Луна поняла, что вещь это очень ценная. В сердце потеплело: — Благодарю вас, старшая сестрица Ло Ши.

Не успела Лу Лоши ответить, как Чу Цин, словно достигнув предела своих сил, закатила глаза и без чувств повалилась на руки Сяо Луна. Сяо Хань нахмурился, подошёл, бережно взял её на руки и посмотрел на Сяо Луна: — С ней больше ничего не случится?

— Нет, всё в порядке. Приглядывай за ней, в следующий раз я за такое не возьмусь! — Сяо Лун устало откинулся на спинку дивана и проворчал: — И чего это я тогда так опрометчиво решил изучать медицину? Ужас, это же смертельная усталость! Больше ни за что за это не возьмусь.

...

Уложив Чу Цин, Сяо Хань спустился вниз. Лу Лоши только что заварила чай, она тихо вздохнула: — Не ожидала, что Шу Ли окажется настолько дерзкой. Сяо Хань, что ты собираешься делать?

Сяо Хань подошёл, опустился на диван и погрузился в глубокое молчание, глядя куда-то вдаль.

— Пусть думают, что она обезображена.

Спустя долгое время Сяо Хань произнёс лишь эти слова. Похоже, это был единственный выход. Раз уж Шу Ли не переносит Чу Цин, пусть она считает, что та действительно изуродована — так будет даже безопаснее. Хотя, если Шу Ли не оставит попыток навредить ей, что тогда?

Лу Лоши и Сяо Лун были людьми неглупыми и сразу поняли замысел Сяо Ханя. Лу Лоши оперлась локтями о подлокотники кресла, потирая подбородок, и в её глазах за очками блеснул острый огонёк: — Сяо Хань, ты правда собираешься привезти Чу Цин к отцу Сяо и остальным?

— Да, а что?

— Раз так, вам больше нет смысла скрывать отношения, лучше сделать всё открыто!

— О? И как же открыто? Мы и так уже привлекли внимание университетского сообщества.

В глазах Лу Лоши промелькнула хитринка: — Переведи Чу Цин в третий класс! Ведите себя так, будто вы безумно влюблены, а я устрою так, чтобы университетские репортёры написали статью. Обо всём, что произошло сегодня! Свидетелей полно, доказательства есть! Так репутация Шу Ли рухнет, а то, что вы играете влюблённых, вызовет у всех сочувствие к Чу Цин. Люди возненавидят и презирают Шу Ли, и если с Чу Цин случится хоть что-то, Шу Ли станет первой подозреваемой! Она не посмеет и пальцем тронуть её. К тому же, вы живёте вместе, так что бояться подлостей от Шу Ли не стоит. А если Чу Цин нужно будет прийти в университет, просто дай мне знать — я буду лично её сопровождать. В стенах университета Шу Ли точно не рискнёт устраивать сцены.

Сяо Лун бросил взгляд на Лу Лоши и кивнул, соглашаясь: — Отличный план.

Сяо Хань, однако, покачал головой: — Идея хорошая, но ведь Чу Цин на самом деле не обезображена! Безопасность мы обеспечим, но неужели она должна всю жизнь носить клеймо страшили? Шила в мешке не утаишь, рано или поздно всё раскроется. А если она когда-нибудь захочет вернуть свой прежний облик? Как мы объясним это людям? Разве это не будет обманом их чувств? Что они подумают о ней?

Лу Лоши усмехнулась, покосившись на Сяо Ханя: — За кого ты принимаешь свою старшую сестрицу Ло Ши? Я всё продумала! Разве это сложно? С талантом Чу Цин она очень скоро станет знаменитым мангакой! Когда эта манга выйдет в свет, люди проникнутся к ней уважением. А потом она выпустит новую, снова станет популярной, и у неё появится огромная армия фанатов. И что с того, что она покажет своё лицо? К тому времени все забудут о выходках Шу Ли. А даже если не забудут — и что? Виновата Шу Ли, а не Чу Цин. Все только обрадуются, что она не обезображена! А с её популярностью как автора манги никто не посмеет смотреть на неё свысока.

Сяо Лун приподнял красивые брови и с любопытством спросил: — Она что, состоит в школьном кружке? Но твои мечты слишком радужные! С чего ты взяла, что она станет популярной? Почему ты уверена, что её манга многим понравится? Такое не решается одними словами, это

зависит от публики. Слишком рискованно.

Сяо Луна удивило, что Чу Цин состоит в школьном кружке; он и подумать не мог, что эта девушка с приятной внешностью — не просто кукла, и что она вызывает у Лу Лоши такую уверенность. Раньше он полагал, что Лу Лоши отдала пилюлю только ради Сяо Ханя, но теперь это казалось не совсем так.

— Я знаю о её способностях. Не веришь — поспорим? — Лу Лоши с сияющей улыбкой поправила очки, выглядя крайне довольной собой.

— Не хочу, — Сяо Лун бросил взгляд на Лу Лоши, в душе у него проснулся искренний интерес к Чу Цин.

— Значит, договорились. А там видно будет. Поздно уже, оставайтесь на ночь здесь, — отрезал Сяо Хань, окончательно утвердив план.

На следующий день Лу Лоши, позавтракав, ушла, а Сяо Лун остался, оправдываясь тем, что нужно понаблюдать за состоянием Чу Цин ещё день — а на деле просто решил задержаться ради бесплатного крова и еды.

Сяо Ханю нужно было идти на занятия, но, опасаясь, что Чу Цин будет скучно, он, бросив быстрый взгляд, провёл её в кабинет. Он потянулся в самый неприметный угол книжного шкафа и выудил оттуда потрёпанную, грязную на вид книгу. Он небрежно стряхнул с неё пыль, дунул, но никакой грязи не полетело.

— На, держи.

Чу Цин с сомнением приняла книгу. На обложке ничего не было, а сама она пожелтела от времени и не вызвала никакого желания читать.

— Направь в неё немного своей Духовной силы, — равнодушно сказал Сяо Хань, глядя на озадаченное лицо девушки.

Чу Цин кивнула, прикрыла глаза и протянула нежную белую ладонь. Её гладкую кожу окутало лёгкое красноватое сияние, которое вскоре стало ярче, и ничем не примечательная книга мгновенно залилась алым светом. Почувствовав под пальцами лёгкую прохладу, Чу Цин убрала руку и внимательно посмотрела на книгу.

Всё изменилось! Вместо потрёпанного старого томика в руках у неё теперь была книга в оправе из огненно-красного металла. На обложке, переливающейся алым, проступили изысканные узоры и загадочные символы. В верхней части, в свободном от орнамента месте, сияли четыре ярко-красных иероглифа, написанные дерзким и свободным почерком, добавлявшим им величия: Канон Танца Огня.

<http://bllate.org/book/21957/2281354>